

УДК 008:930.85(38)
 ББК 71.122.32
 DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-6-708-718

Е.А. ПЛЕШКЕВИЧ

ОТНОШЕНИЕ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ К ПИСЬМУ: ТАЙНА ОДНОЙ ЗАГАДКИ

Евгений Александрович Плешкевич,

Государственная публичная научно-техническая
 библиотека
 Сибирского отделения Российской академии наук,
 главный научный сотрудник
 Восход ул., д. 15, Новосибирск, 630200, Россия

доктор педагогических наук
 E-mail: eap1966eap@mail.ru

Реферат. *Статья посвящена проблеме перехода от устной культуры к письменной в Древней Греции. Большинство зарубежных и отечественных исследователей связывают длительность и неустойчивость этого перехода, во-первых, с особенностями организации полисной власти, при которой греческий гражданин должен был реализовать свои права сам, а узкая специализация осуждалась, во-вторых, с антропоморфной спецификой греческой культуры. Представлен анализ использования устной и письменной коммуникаций в ключевых произведениях ряда древнегреческих писателей: Гомер («Илиада», «Одиссея»), Гесиод («Теогония»), Эсхил («Простительницы»), Аристофан*

(«Птицы»), а также в философских произведениях Платона («Федр»).

Установлено, что древнегреческие авторы, несмотря на владение письменностью, ориентируются в своих произведениях на устные коммуникации и на такие формы обеспечения доверия к устным коммуникациям, как личное свидетельство, религиозная клятва, подкрепляя все это верой в возможное религиозное наказание. В итоге древнегреческие авторы письменные коммуникации (в условиях отсутствия специально созданных для этого институциональных форм доверия) либо игнорируют, либо изображают как второстепенные. Таким образом, целью данной статьи является объяснение недоверчивого отношения греков к письму на раннем этапе. Автором предложена оригинальная гипотеза, в контексте которой данный феномен объясняется неспособностью институциональных форм обеспечения доверия, созданных для устных коммуникаций, выполнять свою функцию при переходе к письменным коммуникациям, что «тормозит» процесс перехода. В основе авторской гипотезы лежит положение теории документальной информации. Делается вывод о том, что

окончательный переход к письменным коммуникациям завершился лишь после создания институциональных форм обеспечения доверия к письменным сообщениям в виде архивов и библиотек.

Ключевые слова: история письменности, письменная культура, Древняя Греция, Гомер, Гесиод, греческая цивилизация.

Для цитирования: Плешкевич Е.А. Отношение древних греков к письму: тайна одной загадки // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 708–718. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-708-718.

Одним из проблемных вопросов в истории письменной культуры является недоверие древних греков на раннем этапе своего развития к письменности как средству коммуникации. Греческая цивилизация, как отмечает П. Видаль-Накэ, — это цивилизация устного слова, которое господствовало даже в письменном слове до V в. до н. э. [1, с. 41]. В том или ином аспекте этот феномен постоянно находится в сфере внимания зарубежных [2–5] и отечественных ученых [6–11]. Обобщенные представления западных исследователей можно встретить в работе известного американского историка Дж. Сикингера [5].

В последние годы историки античности, подходя к теме с нескольких разных точек зрения, начали подвергать сомнению традиционные представления о природе грамотности и функциях письма в древности. Появление алфавитной письменности в VIII в. до н. э. больше не рассматривается как революционное развитие, изменившее ход греческой истории. Вместо этого считается, что использование письменности развивалось медленно и имело ограниченное влияние на греческую частную и общественную жизнь [5, р. 229–230]. Российские ученые с той или иной оговоркой в целом разделяют данное утверждение. Так, сравнивая устную речь и письмо, С.С. Аверинцев отметил, что устная «речь подлежит публичному произнесению наизусть, и ее письменный текст — лишь

подсобный набросок, нечто вроде партитуры», причины этого он связывает со специфической греческого мироощущения и гуманизма, тяготевшего «к возможно более наглядному конкретно-осязаемому образу человека»; устное слово, по мнению Аверинцева, «это все еще телесная “самость” человека, написанное слово — нет» [10, с. 14]. И.Е. Суриков акцентирует внимание на простоте греческого алфавитного письма, по сравнению с иероглифическим, он считает, что человек, не страдающий пониженными умственными способностями, легко выучивает алфавит за несколько дней и таким образом может быть «сам себе писцом» [11, с. 189–190]. В итоге, письмо в представлениях греков есть некая рутинная технология, а не дар богов, как думали египтяне. Суриков делает акцент на «полисном принципе», связанном с отказом от узкой специализации, когда гражданин делает все сам, а если он не имеет возможности что-то сделать сам, то привлекает на помощь раба [11, с. 199]. В результате греческий писец, в отличие от своих восточных собратьев, был не столь значим, чтобы на него обращали внимание, более того, он может быть даже рабом. Комментируя данные суждения, скажем, что такая точка зрения возможна, однако она нуждается в более солидных обоснованиях. Исходя из этого целью данной статьи является объяснение данного феномена с учетом современных теоретических представлений о письменных коммуникациях.

Итак, вначале скажем несколько слов об истории появления письменности в Древней Греции. По наблюдению историков, древнегреческое алфавитное письмо предположительно возникло достаточно поздно в XI–VIII вв. до н. э., значительно позднее, чем в целом ряде стран Древнего Востока. Так, древнеегипетская письменность появилась на рубеже IV–III тысячелетий до н. э.; возникновение шумерской письменности датируется серединой III тысячелетия до н. э.; финикийской — около XV в. до н. э. Распространение греческого письма шло достаточно быстро. Если в начале VIII в. до н. э. в Греции, по мнению Ю.В. Андреева, не было никаких следов письменности, то в конце столетия функционировало новое алфавитное письмо, сложилась богатая и мно-

гообразная литература, представление о возможностях которой дают поэмы Гомера и Гесиода [12, с. 123].

Каким образом переход от устной культуры к письменной был представлен в древнегреческой литературе? Этот вопрос звучит особенно актуально, если принять во внимание гипотезу американского историка Б.Б. Пауэлла о том, что изобретение греками алфавитного письма было обусловлено не столько необходимостью решения коммерческих задач (ведение бухгалтерских записей и счетов), сколько принципиально иными целями, а именно записью греческой литературы, в первую очередь гомеровского эпоса [3].

Как известно, «Илиада» посвящена событиям Троянской войны, которые происходили в XII в. до н. э. и были достаточно удалены от Гомера как предполагаемого автора. Учитывая эту хронологическую «удаленность» можно предположить, что древние греки не имели представлений о письме как таковом. Однако это не совсем так. Во-первых, сохранились сведения о писцах критских полисов в архаический период (IX–VIII вв. до н. э.). По наблюдениям историков, в конце архаического периода писец назывался «финикастом», т. е. знатоком алфавитного финикийского письма [13, с. 173]. Вместе с тем, полагает Ю.В. Андреев, моделируя картину жизни «героического века», создатель «Илиады» и «Одиссеи» руководствовался прежде всего своим творческим воображением и художественным вкусом, которое питалось главным образом тем, что давала ему окружающая действительность [12, с. 12]. Отсюда та печать наивной модернизации, осовременивания прошлого, которой отмечено все творчество Гомера. В итоге мы имеем сильно упрощенную и идеализированную, но все же узнаваемую в своих основных очертаниях модель современного поэту греческого общества. Мы полагаем, что удаленность описываемого события не являлась непреодолимым препятствием для введения в ткань поэм сюжетов о письме и, если таковые отсутствуют, то не потому, что Гомер стремился к исторической достоверности.

Итак, в «Илиаде» и «Одиссее» Гомер рисует греческое общество с развитой системой царской и судебной власти, функционирующее в условиях «устного слова». В тексте мы

встречаем два аспекта его описания (текст цитируется по изданиям [14–16]). Во-первых, как коммуникационного акта:

Встал Калхас Фесторид...

<...>

Силой гадания, данной

ему Аполлоном владыкой.

Добрых намерений полный,

взял слово и стал говорить он...

<...>

Слово окончил и сел Фесторид...¹

(Илиада, пер. В. Вересаева)

Это может быть просто слово, либо «крылатое», т. е. громкое:

Также на сына Тидея

набросился царь Агамемнон,

Громко окликнул его

и крылатое вымолвил слово...

(Илиада, пер. В. Вересаева)

В двери вступив, Одиссея

он стал принуждать, чтоб покинул

Дом свой; и бросил ему,

раздраженный, крылатое слово:

«Прочь от дверей, старичишка,

иль за ноги вытащен будешь...

(Одиссея, пер. В. Жуковского)

При этом слово не только говорят, но его и запоминают:

Старому Фениксу так

отвечал Ахиллес быстроногий:

«Феникс, мой дедушка старый,

питомец богов, не нуждаюсь

В этой я чести. И так

почитаем я волею Зевса.

Честь эту возле судов

сохраню я, доколе дыханье

Будет в груди у меня

и могучие движутся ноги.

Слово другое скажу,

и запомни его хорошенько.

(Илиада, пер. В. Вересаева)

¹ Здесь и далее в оформлении стихотворного текста используется нестандартное разбиение на строки в связи с техническими особенностями и ограничениями макета журнала. — Примеч. ред.

Во-вторых, Гомер описывает слово как социальное действие, ведущее к неким последствиям. Вот лишь некоторые примеры:

И Меланиппа вождя
с Ликомедом, Крейоновым сыном.
Вместе они поспешили
царя Агамемнона к сени.
Скоро, как было сказано
слово, исполнено дело...
(Илиада, пер. Н. Гнедича)

Как мы видим, слово в данном случае выступает элементом не только коммуникации, но и неких действий. Каков действенный характер слова? Приведем лишь две цитаты:

Я объясню. Но пойми и меня, —
покланись мне раньше,
Что защитить пожелаешь меня
и рукою, и словом...²
(Илиада, пер. В. Вересаева)

Тщетно, к нему приближаясь,
его удержать мы стремимся
Словом иль силой. О нас, удаляясь,
он и думать не хочет,
Не обращает вниманья,
считает, что между богами
Властью и силою выше
он всех без всякого спора.
(Илиада, пер. В. Вересаева)

Отсюда возникает вопрос, каким образом слово увязывается с действием и каков механизм этого процесса? Мы полагаем, что в его основе лежит социальное управление коммуникационным процессом через разделение высказывания на истинное и ложное. При этом истинное высказывание побуждает к действию, ложное же ведет не только к отказу от действий, но и к наказанию за лже-свидетельство.

Если бы дело такое
внушал мне какой-либо смертный —
Жрец, иль пророк илионский,
или фимиамогадатель,

² Здесь и далее выделение наше. — Е. П.

Ложью почли бы мы то
и с презрением, верно б, отвергли.
(Илиада, пер. Н. Гнедича)

«Инструментами», обеспечивающими идентификацию высказывания, выступали свидетельствование участниками событий или коммуникационного акта или принесение заветительной клятвы.

Руки воздевши, усердно
молился богам Агамемнон:
«Зевс, наш родитель, на Иде царящий,
преславный, великий!
Солнце, — о ты, что по целой
вселенной все видишь и слышишь,
Реки, Земля и подземные боги,
которые страшно
Людям почившим отмщают,
коварно нарушившим клятву!
**Будьте свидетели нам,
охраняйте священные клятвы!**
(Илиада, пер. В. Вересаева)

Также и силу Приама
сюда приведите, чтоб клятвы
Сам он заверил
(его сыновья вероломны и наглы),
Чтобы никто дерзновенно
кронидовых клятв не нарушил.
(Илиада, пер. В. Вересаева)

Считалось, что истинность высказывания и соблюдение клятвы защищается богами. Так, согласно «Теогонии» Гесиода (текст цитируется по изданию [17]), этой функцией «заведовал» целый ряд богов:

И, наиболее горя
несущий мужам земнородным,
Орк, наказующий тех,
кто солжет добровольно при клятве.
Понт же Нерея родил,
ненавистника лжи, правдолюбца...
<...>
Первой тогда нерушимая
Стикс на Олимп поспешила
Вместе с двумя сыновьями,
совету отца повинуйся.
Щедро за это ее
одарил и почтил Громовержец:

Ей предназначил он быть
величайшею клятвой бессмертных...
(*Теогония, пер. В. Вересаева*)

За нарушение клятвы карались не только люди, но и боги. Гесиод подробно описывает, что ждет клятвopреступника на Олимпе:

Если, свершив той водой
возлияние, ложною клятвой
Кто из богов поклянется,
живущих на снежном Олимпе,
Тот бездыханным лежит
в продолжение целого года.
Не приближается к пище, —
к амвросии с нектаром сладким,
Но без дыханья и речи
лежит на разостланном ложе.
Сон непробудный, тяжелый
и злой, его душу объемлет.
Медленный год протечет, —
и болезнь прекращается эта.
(*Теогония, пер. В. Вересаева*)

И, наконец, отметим еще один важный аспект, связанный с наличием «певца», хранящего в памяти устные сочинения.

Много народу теснилось вокруг,
восхищаясь прелестным
Тем хороводом. Певец же
божественный пел под формингу...
(*Илиада, пер. В. Вересаева*)

Пел знаменитый певец,
и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахеян
из Трои возврате...
(*Одиссея, пер. В. Жуковского*)

Как мы видим, певец награждается эпитетами «божественный» и «знаменитый», что свидетельствует о его важности в греческом обществе.

Резюмируя наши наблюдения, укажем, что устная коммуникационная система, представленная в произведениях Гомера и Геосида, включала в себя две составляющих: во-первых, коммуникационную технологию в виде устной речи; во-вторых, институциональные формы ее социального использования в виде религиозных представлений об ответственности за

нарушение клятвы и ложное свидетельство-вание и профессиональной группы мнемонov или мнамонов, т. е. «чиновников-запоминателей» и сказителей — рапсодов и аэдов [13]. Не сложно увидеть локально-коммуникационный характер данной системы, ориентированной на диалог и личностные взаимоотношения (людей между собой, а также людей и богов).

И все же отсылку к письменности Гомер делает несколько раз. Первый раз — в сюжете, посвященном коринфскому герою Беллерофонту:

Но [Пройт] приказал ему [Беллерофонту]
ехать в Ликию и дал две дощечки,
Много погибельных знаков
внутри начертав смертоносных.
<...>
Стал он расспрашивать гостя [Беллерофонта],
и видеть ему пожелалось
Знаки, которые зять его
Пройт посылает в дощечках.
А получивши от гостя
злодейские зятевы знаки...
(*Илиада, пер. В. Вересаева*)

Получается, что царь Пройт (Прет) и его тесть (Иобат), к которому был послан Беллерофонт, владели письмом, однако, как видно из контекста, использовали его в «злом деле». Скорее всего, история с «погибельными дощечками» появилась на Древнем Востоке еще до Гомера, который просто пересказал ее, включив в миф про Беллерофонта. Сюжет примерно с такими же губительными письменами есть в «Гамлете». В любом случае дощечки с погибельными знаками изображены Гомером скорее как «колдовское зелье», нежели как подарок богов. Напомним, что по одному из мифов Прометей не только подарил людям огонь, но и научил их письму.

Второй раз отсылка к письменности встречается в сюжете бросания жребия и выбора Теламония (Аякса), который сразится с Гектором:

Бросьте-ка жребий теперь.
Которому выпадет жребий,
Выступит тот ...
<...>
Так произнес он. И каждый,
пометивши собственный жребий,

Прибывший из Египта Глашатай пытается забрать Данаид на свой корабль, чтобы вернуть их на родину, однако Пеласг останавливает его, объявляя о принятом решении. При этом он подчеркивает, что оно незыблемо, потому что принято гражданами Аргоса, и противопоставляет его письменным решениям:

Решенье это, пошатнуть нельзя его.
Не высекали мы на плитах каменных,
Не заносили на листы папируса
Своих постановлений. Нет, свободное
Ты ясно слышишь слово: убирайся вон!

(Просительницы, пер. С. Анта)

Таким образом, письменность в трагедии Эсхила рассматривается как инструмент бюрократии и тирании и в определенной степени противопоставляется свободному волеизъявлению. В заключение трагедии Пеласг восклицает:

Здесь я и каждый гражданин. Ведь принято
Решенье это всеми. Силы нет сильней.

(Просительницы, пер. С. Анта)

В чем причины такого, скажем мягко, не простого отношения к письменному слову? Определенный свет на этот вопрос может пролить анализ сюжета из произведения Платона «Федр» [20]. Как известно, в нем Сократ (в его лице выступает сам Платон) беседует с частным собеседником Федром. В ходе беседы Сократ рассказывает историю о египетском боге Тевте (Тоте), который изобрел искусства, включая искусство письма, и показал их египетскому царю Тамусу. Царь спросил Тевта о пользе письма, и тот ответил, что искусство письма сделает египтян более мудрыми и памятьливыми. Однако Тамус возразил, что, по его мнению, письмо будет скорее вредить памяти и способствовать забывчивости, поскольку люди будут полагаться на посторонние душе знаки. Стало быть, письменность — это средство не для памяти, а для припоминания. При этом она дает ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Далее, в ходе дискуссии Платон развивает критику письменного сообщения и формулирует три ключевых недостатка или ограничения.

Во-первых, письменное сочинение не может отвечать на возникающие у читателя вопросы — оно всегда будет отвечать одно и то же. Во-вторых, письменное сообщение вращается повсюду, попадая в руки как тех, кто его понимает, так и тех, кто не имеет никакого отношения к излагаемым в нем предметам, причем оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем — нет. В-третьих, подвергнувшись «нападению», письменное сообщение не способно защититься или помочь себе, поскольку для помощи ему нужен его отец (автор).

Анализируя данные аргументы, не сложно заметить, что они касаются не столько письменного сочинения как такового, сколько его использования, иными словами, институциональности письменных коммуникаций. Очевидно, что в то время, когда жил Платон (429/427—347 гг. до н. э.), развитие писцового дела и книжной торговли постепенно трансформировали информационное пространство: произошло существенное территориальное и хронологическое расширение читательской аудитории. В этих условиях греческие авторы пусть интуитивно, через своих героев, но все же сопоставляли устную и письменную технологии. Несмотря на ограниченность устного слова при передаче информации во времени и пространстве, оно все же имело определенные институциональные инструменты, обеспечивающие доверие к сообщению, тогда как письменные технологии таковых инструментов обеспечения доверия к письму не имели. Отсюда, мы полагаем, и негативная коннотация греческими авторами письменности как технологии и ее, скажем так, показное игнорирование. Косвенным примером является изображение Одиссея хитроумным и безграмотным одновременно.

Изменение данной ситуации мы связываем с созданием специализированных институциональных форм, регламентировавших использование письменной технологии. К институтам письма мы относим библиотеки, архивы и канцелярии. В силу ограниченности объема статьи мы остановимся на библиотеках. В отличие от Древней Греции, на Древнем Востоке библиотеки, зачастую совмещенные с архивом, появились достаточно рано. В качестве иллюстрации укажем две из них: Библиотеку Рамсеса II, основанную при-

мерно 1300 лет до н. э. в г. Фивы, и Библиотека Ашшурбанипала, которая в VII в. до н. э. собиралась в течение 25 лет и насчитывала 25 тыс. глиняных табличек с клинописным текстом. Именно поэтому отношение к письму там принципиально отличалось от того, которое сложилось в Элладе.

Благодаря библиотеке на вопросы читателя начинает отвечать не одно, а несколько письменных произведений. На смену устному диалогу (его приверженцами выступали Сократ и Платон) стал приходиться «пассивный» диалог читателя со многими авторами, число которых постоянно росло. Библиотека взяла на себя и другие функции:

- ◆ библиографическое управление читательскими интересами (читателю предоставлялись произведения, наиболее полно соответствующие его интересам, уровню развития);

- ◆ цензуру, ограничивающую использование отдельных письменных сочинений;

- ◆ литературную критику, которая появилась благодаря библиотекам и заменяла читателю непосредственное общение с автором письменного сочинения.

Известно, что библиотеки и архивы появились в Древней Греции достаточно поздно. Одними из первых стали библиотечные собрания, собранные Еврипидом и Аристотелем. Платон, видимо, за это называл Аристотеля читателем [10, с. 15]. Впоследствии владельцем книг Аристотеля и Теофраста стал ученик последнего — Нелей из Скепсиса, который также считается собирателем школьной библиотеки. Существенно ситуация начинает меняться после создания в III в. до н. э. Александрийской библиотеки. Во времена правления Птолемея III (246/245—222/221 гг. до н. э.) в ней хранилось такое количество книг, которое ни один человек не был в состоянии прочитать [21, с. 225]. Примерно в то же время Каллимах составляет свои знаменитые библиографические таблицы. В конце III — начале II в. до н. э. возникает крупная библиотека в Пергаме, ставшая, по наблюдениям О.Ю. Климова, не только местом хранения книг, но и крупным научным центром [22, с. 183].

Эти новации практически сразу находят отражение в литературе. Так, античный поэт Менандр заявляет, что те, кто умеют читать, видят

вдвое больше [цит. по: 21, с. 222]. Появляются публичные чтения в качестве формы общественного досуга. Сохранились сведения о проведении таких чтений в III в. до н. э. в этолийском городе Ламия в честь поэтессы Аристодамы [23, р. 158]. Как мы видим, отношение к письменности в эпоху эллинизма постепенно начинает меняться в лучшую сторону.

Таким образом, письменная галактика возникла задолго до изобретения печатного станка. Конечно, она была локальной, неустойчивой и порой «теряла» существенные части своего пространства, однако, мы полагаем, что сам «письменно-галактический» феномен был создан библиотеками и службами библиографии. Это позволяет нам сформулировать, на уровне гипотезы, тезис о том, что сложности перехода от устного слова к письменному слову в Древней Греции отчасти были обусловлены отставанием институционализации письменных технологий, что и нашло отражение в древнегреческой литературе, пусть и в своеобразной форме.

Развивая данную гипотезу, отметим, что формирование письменной культуры имеет две стадии: изобретение коммуникационной технологии (устной речи, пиктографии, идеографической и фонетической письменности, печатного дела, электронных технологий и т. д.); институционализацию этой технологии, направленную на обеспечение доверия к ней.

Исходя из этого, а также в контексте документально-информационных представлений о социальных коммуникациях [24; 25], переход от устных коммуникаций к письменным включал в себя три этапа:

- ◆ изобретение технологии письменности;
- ◆ разработка и внедрение технологии относительно дешевого (массового) производства (глиняные таблички, папирус, восковые таблички и т. д.) и распространения письменных произведений (писцовые мастерские и книжные лавки);

- ◆ создание институциональных форм управления письменным пространством в виде библиотечного дела и библиографии.

Рассогласование в Древней Греции второго и третьего этапов данного процесса стало одной из причин «задержки» перехода от уст-

ного слова к письменному слову, что нашло отражение в древнегреческой литературе. Безусловно, данный тезис высказан в качестве гипотезы и нуждается в дальнейшей разработке, однако нам представляется, что его наличие существенно расширяет наши представления о вариативности развития письменности и литературы.

Список источников

1. *Видаль-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / пер. с фр. ; под ред. С. Карпюка. Москва : Ладомир, 2001. 419 с.
2. *Steiner D.* The Tyrant's Writ: Myths and Images of Writing in Ancient Greece. Princeton: Princeton University Press, 1994. 294 p.
3. *Powell B.B.* Why Was the Greek Alphabet Invented? The Epigraphical Evidence // *Classical Antiquity*. 1989. Vol. 8, № 2. P. 321–350.
4. *Thomas R.* Literacy and Orality Ancient Greece. Cambridge, 1992. 201 p.
5. *Sickinger J.* Literacy, Documents, and Archives in the Ancient Athenian Democracy // *The American Archivist*. 1994. Vol. 62, № 2. P. 229–246.
6. *Суриков И.Е.* Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX–VIII вв. до н. э.) // *Мнемон : исследования и публикации по истории античного мира*. 2014. № 14. С. 27–50.
7. *Карпюк С.Г.* Писцы афинской демократии // *Вестник древней истории*. 2009. № 1. С. 161–166.
8. *Строгецкий В.М.* Роль информации и проблема коммуникативных отношений в классическом полисе // *Мнемон : исследования и публикации по истории античного мира*. 2003. № 2. С. 135–152.
9. *Семеновкер Б.А.* Эволюция информационной деятельности : в 3-х ч. Москва : Пашков дом, 2009–2013.
10. *Аверинцев С.С.* Типология отношения к книге в культурах Древнего Востока, античности и раннего средневековья // *Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока : сб. ст.* Москва : Наука, 1978. С. 6–27.
11. *Суриков И.Е.* Афинские граждане архаической и классической эпохи как писцы // *Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2013. № 17. С. 181–204.
12. *Андреев Ю.В.* Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. 494 с.
13. *Карпюк С.Г.* Секретари-магистраты и/или писцы-профессионалы в Древней Греции // *Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2013. № 17. С. 171–180.
14. *Гомер.* Илиада / пер. В. Вересаева. Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1949. 551 с.
15. *Гомер.* Илиада / пер. Н.И. Гнедича ; ст. и примеч. А.И. Зайцева ; отв. ред. Я.М. Боровский. Ленинград : Наука, 1990. 576 с. (Серия «Литературные памятники»).
16. *Гомер.* Одиссея / пер. В.А. Жуковского ; ст. и примеч. В.Н. Ярхо ; отв. ред. М.Л. Гаспаров. Москва : Наука, 2000. 544 с. (Серия «Литературные памятники»).
17. *Гесиод.* Теогония / пер. В.В. Вересаева // *Гесиод. Полное собрание текстов*. Москва : Лабиринт, 2001. С. 20–50.
18. *Доватур А.И.* Платон об Аристотеле // *Вопросы античной литературы и классической филологии*. Москва : Наука, 1966. С. 137–145.
19. *Эсхил.* Просительницы // *Эсхил. Трагедии*. Москва : Искусство, 1978. С. 5–46.
20. *Платон.* Федр // *Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид*. Москва : Мысль, 1999. С. 135–191.
21. *Мангуэль А.* История чтения / пер. с англ. М. Юнгера. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. 381 с.
22. *Климов О.Ю.* Пергамская научная школа // *Мнемон : исследования и публикации по истории античного мира*. 2009. № 8. С. 175–198.
23. *Pauly A.* Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Suppl. III. Aachen bis ad Iuglandem, 1918. P. 158.
24. *Плешкевич Е.А.* Документальность как атрибутивное свойство документа // *Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы*. 2013. № 9. С. 1–7.
25. *Плешкевич Е.А.* Документ и документность в пространстве культуры // *Обсерватория культуры*. 2014. № 2. С. 118–123.

The Attitude of Ancient Greeks to Writing: A Mystery's Secret

Evgeny A. Pleshkevich

State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, 15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630200, Russia
E-mail: eap1966eap@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the problem of transition from oral to written culture in Ancient Greece. Most foreign and Russian researchers associate the duration and instability of this transition, firstly, with some features of power organization in the city-states, in which Greek citizens had to exercise their rights themselves — narrow specialization was condemned; and, secondly, with the anthropomorphic specificity of Greek culture. The article analyzes the use of oral and written communications in the major works of a number of ancient Greek writers: Homer (“Iliad”, “Odyssey”), Hesiod (“Theogony”), Aeschylus (“The Suppliants”), Aristophanes (“The Birds”), as well as in the philosophical works of Plato (“Phaedrus”). The article specifies that ancient Greek authors, despite the possession of writing, rely in their works on oral communications and on such forms of ensuring trust in oral communication as personal testimony, religious oath, reinforcing all this with a belief in potential religious punishment. As a result, the ancient Greek authors (in the absence of specially created institutional forms of trust) either ignore written communications or depict them as secondary. Therefore, this article aims to explain the distrustful attitude of the Greeks to writing at an early stage. The author proposes an original hypothesis, within the context of which this phenomenon is explained by inability of the institutional forms of trust, created for oral communication, to perform their function during the transition to written communications, which “hindered” the transition process. The author’s hypothesis is based on the theory of documentary information. The article concludes that the final transition to written communications was completed only after the creation of institutional forms of ensuring trust in written communications, in the form of archives and libraries.*

Key words: history of writing, written culture, Ancient Greece, Homer, Hesiod, Greek civilization.

Citation: Pleshkevich E.A. The Attitude of Ancient Greeks to Writing: A Mystery's Secret, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 6, pp. 708—718. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-708-718.

References

1. Vidal-Naquet P. *Chernyi okhotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [The Black Hunter: Forms of Thought and Forms of Society in the Greek World]. Moscow, Ladomir Publ., 2001, 419 p.
2. Steiner D. *The Tyrant's Writ: Myths and Images of Writing in Ancient Greece*. Princeton, Princeton University Press, 1994, 294 p.
3. Powell B.B. Why Was the Greek Alphabet Invented? The Epigraphical Evidence, *Classical Antiquity*, 1989, vol. 8, no. 2, pp. 321—350.
4. Thomas R. *Literacy and Orality Ancient Greece*. Cambridge, 1992, 201 p.
5. Sickinger J. Literacy, Documents, and Archives in the Ancient Athenian Democracy, *The American Archivist*, 1994, vol. 62, no. 2, pp. 229—246.
6. Surikov I.E. The Archaic Period in Greece as a Historical Epoch: A Modern View. The First Half (9th—8th Centuries B.C.), *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Investigations and Publications on the History of Ancient World], 2014, no. 14, pp. 27—50 (in Russ.).
7. Karpyuk S.G. The Scribes of Athenian Democracy, *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 2009, no. 1, pp. 161—166 (in Russ.).
8. Strogetsky V.M. The Role of Information and the Problem of Communicative Relations in a Classical Polis, *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Investigations and Publications on the History of Ancient World], 2003, no. 2, pp. 135—152 (in Russ.).
9. Semenovker B.A. *Evoljutsiya informatsionnoi deyatel'nosti* [Evolution of Information Activities]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2009—2013.
10. Averintsev S.S. Typology of the Attitude to Books in the Cultures of the Ancient East, Antiquity and Early Middle Ages, *Antichnost' i antichnye traditsii v kul'ture i iskusstve narodov Sovetskogo Vostoka: sb. st.* [Antiquity and Ancient Traditions in the Culture

- and Art of the Peoples of the Soviet East: collected articles]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 6—27 (in Russ.).
11. Surikov I.E. Athenian Citizens of the Archaic and Classical Era as Scribes, *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"], 2013, no. 17, pp. 181—204 (in Russ.).
  12. Andreev Yu.V. *Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii XI—VIII vv. do n. e.* [The Homeric Society: The Basic Tendencies of the Social-Economical and Political Development of Greece in the 11th—8th Centuries BC]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2004, 494 p.
  13. Karpyuk S.G. Secretaries-Magistrates and/or Professional Scribes in Ancient Greece, *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"], 2013, no. 17, pp. 171—180 (in Russ.).
  14. Homer. *Iliad*. Moscow, Leningrad, Goslitzdat Publ., 1949, 551 p. (in Russ.).
  15. Homer. *Iliad*. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 576 p. (in Russ.).
  16. Homer. *Odyssey*. Moscow, Nauka Publ., 2000, 544 p. (in Russ.).
  17. Hesiod. *Theogony*, *Gesiod. Polnoe sobranie tekstov* [Hesiod. Complete Texts]. Moscow, Labirint Publ., 2001, pp. 20—50 (in Russ.).
  18. Dovatur A.I. Plato on Aristotle, *Voprosy antichnoi literatury i klassicheskoi filologii* [Studies of Ancient Literature and Classical Philology]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 137—145 (in Russ.).
  19. Aeschylus. The Suppliants, *Eskhil. Tragedii* [Aeschylus. Tragedies]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978, pp. 5—46 (in Russ.).
  20. Plato. Phaedrus, *Platon. Fedon, Pir, Fedr, Parmenid* [Plato. Phaedo. Symposium. Phaedrus. Parmenides]. Moscow, Mysl', 1999, pp. 135—191 (in Russ.).
  21. Manguel A. *Istoriya chteniya* [A History of Reading]. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2008, 381 p.
  22. Klimov O.Yu. The Scientific School in Hellenistic Pergamon, *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Investigations and Publications on the History of Ancient World], 2009, no. 8, pp. 175—198 (in Russ.).
  23. Pauly A. *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Suppl. III. Aachen bis ad Iuglandem*, 1918. P. 158.
  24. Pleshkevich E.A. Documentality as an Attribute Property of a Document, *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty* [Scientific and Technical Information. Series 1: Organization and Methodology of Information Work], 2013, no. 9, pp. 1—7 (in Russ.).
  25. Pleshkevich E.A. Documents and Documentality in the Space of Culture, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2014, no. 2, pp. 118—123 (in Russ.).

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИСКУССТВ (РГБИ)

представляет издания

Календарь к Году театра

Российская государственная библиотека искусств 2019. Год театра : календарь. Москва : РГБИ, Р-Мастер, 2018. 24 с.

К 220-летию А.С. Пушкина Российская государственная библиотека искусств издала календарь на 2019 г., объявленный Годом театра. В календаре представлены редкие работы из фондов библиотеки. Это эскизы костюмов известных театральных художников — О.С. Кручининой, В.А. и Р.А. Вольских, П.Д. Баженова, О.Н. Поликарповой — к спектаклям и фильмам по произведениям А.С. Пушкина.